

«Я научусь и привыкну к тому, чтобы думать об этих каменных жемчужинах, как о красивых побрякушках, а не Монолитах Небесных Томов».

Сюй Южун посмотрела на Чэнь Чаншэна и спокойно продолжила: «А сейчас я немного проголодалась».

Никто не жил в соломенной хижине Сюнь Мэя в течение долгого времени, так что она была в пыли, но все виды инструментов и кухонных принадлежностей все еще были тут.

Чэнь Чаншэн взял две капусты и около десятка перчин с сада, покрыл несколько ломтиков сушеного мяса медом, и поставил их готовиться на пар. Добавив немного белого риса, он приготовил ароматную еду.

Сюй Южун ела с большим удовольствием, но и с некоторой неловкостью.

Впоследствии они обсудили следующее Великое Испытание и Саммит Кипящего Камня следующего года, а также то, как они покинут Мавзолей Книг.

Для того, чтобы их не видели другие и не начали строить догадки, таким образом позволив столице продолжать шуметь слухами, они согласились уйти по отдельности. Сюй Южун уйдет первой, тогда как Чэнь Чаншэн останется в Мавзолее Книг еще на один день. Однако, они не смогли понять, что попытки скрыть это делали это еще более подозрительным, и в конечном итоге это будет полным провалом в сокрытии их отношений от других.

Это даже можно было считать обманом самих себя.

Но прежде, чем Сюй Южун смогла уйти, в маленьком дворе появился неожиданный посетитель.

Посетитель был Стражем Монолитов из Поместья Древа Ученых, Цзи Цзинь. Возможно, потому, что он узнал идентичность Сюй Южуна или догадывался о чем-то, он стоял на другой стороне ограды, вид его лица был довольно несчастным, а его лицо - довольно бледным. В его глазах больше не было ненависти и отвращения, они были заменены сложными и неопределимыми эмоциями.

Чэнь Чаншэн собрался говорить, когда Сюй Южун сделала ему знак, чтобы он сдержался.

Ее рукава развевались на ветру, и она подошла к ограде. Глядя на Цзи Цзиня, она безразлично сказала: «Я предложу отменить ваши квалификации быть Стражем Монолитов, а также потребую изгнать вас из Мавзолея Книг».

Солнечный свет просачивался через ветви сливовых и апельсиновых деревьев, падая на ее лицо.

Величественно прекрасное лицо вмиг было наполнено божественным и августейшим величием.

Потому что, когда она говорила, она была Святой Девой юга, которая правила с вершин.

Стать Стражем Монолитов в Мавзолее Книг было невероятно трудной задачей. Человеку требовалось поклясться кровной клятвой, которая, как казалось, содержала силу Небесного

Дао.

Как только кто-то давал кровную клятву и становился Стражем Монолитов, он мог обладать мечтой жизни культиваторов, свободой взаимодействовать с Монолитами Небесных Томов в любое время дня. Одновременно с этим, они также теряли свободу покидать Мавзолей Книг. На протяжении остатка своих жизней они лишь могли исследовать и изучать Монолиты Небесных Томов, и им было запрещено делать даже один шаг за пределы Мавзолея Книг.

С тех пор, как Ортодоксия установила это правило, и до настоящего времени, прошли бесчисленные годы, но это правило было нарушено лишь однажды - в то время, когда Су Ли вторгся в Мавзолей Книг и вылил поток ругательств на тех двух Стражей Монолитов, которые пришли из Секты Меча Горы Ли, а затем силой вернул их обратно в Гору Ли.

Эти два Стража Монолитов позже стали двумя старейшинами Зала Дисциплины Горы Ли и были одной из основных причин внутренней борьбы Горы Ли.

Привлекательность Мавзолея Книг для культиваторов была слишком сильной, как сон, который было невозможно закончить.

Чем более глубоким был взор человека в Дао, чем больше он изучал Монолиты Небесных Томов, тем меньше он желал уходить.

Даже великому даосисту, обладающему экстраординарным талантом, такому, как Сюнь Мэй, потребовалось несколько десятилетий, чтобы проснуться.

Отменить кровную клятву Стража Монолитов и изгнать его из Мавзолея Книг было чем-то, что лишь Поп или Святая Дева имели право сделать, и этот Страж Монолитов пострадает от отдачи кровной клятвы и испытает невообразимую боль.

Услышав слова Сюй Южун и увидев, как лицо Цзи Цзиня вмиг бледнеет, а тело непрерывно дрожит, Чэнь Чаншэн вмиг стал настороженным.

С его точки зрения, для Цзи Цзиня быть униженным подобным образом, получить такое строгое наказание будет невыносимо, он будет так разозлен, что может обезуметь и напасть на Сюй Южун.

Но Цзи Цзинь не стал в яростно бросаться на нее. Через мгновение он наконец-то успокоился. Он поклонился, стоя в отдалении от Сюй Южун через ограду.

Он сжал руки и поднял их, выглядя исключительно почтительным.

Его голос дрожал, очевидно, он был очень радостным, а также немного расстроенным.

«Преогромное спасибо за жалость Святой Девы. Цзи Цзинь пребесконечно благодарен - лишь смертью смогу отплатить вам».

Пока Чэнь Чаншэн смотрел, как фигура Цзи Цзиня постепенно исчезает в лес, он был крайне сбит с толку.

«Почему?»

«Потому что он хотел покинуть это место».

«Я слышал... что отдача кровной клятвы невероятно ужасающая».

«Но, все же, она не настолько ужасная, как отсутствие свободы».

«Но не стали ли они Стражами Монолитов по собственному желанию?»

«С течением времени мысли людей часто меняются таким образом, что они никогда бы не представили в самом начале».

Сюй Южун подошла к нему, говоря: «Для многих культиваторов Мавзолей Книг - наиболее прекрасная мечта, а также длиннейшее пленение».

Чэнь Чаншэн вспомнил, что уже однажды слышал подобные слова.

Она продолжила: «На самом деле, у меня давно было такое мнение. Я намерена убедить боевых тетушек в храме, а затем обсудить с Дворцом Ли аннуляцию этого правила».

Чэнь Чаншэн смотрел на ее несравненно элегантное и красивое лицо и находил его все более прекрасным. Юноша говорил от своего сердца: «Ты - хороший человек».

Затем он добавил: «Если Дворец Ли не примет просьбу Храма Южного Потока, то подожди, пока я стану Попом, и затем я приложу усилия, чтобы упразднить это правило».

Сюй Южун тихо ответила: «Ты тоже очень хороший человек».

.....

.....

На следующий день Чэнь Чаншэн покинул Мавзолей Чжоу. Он вернулся в Ортодоксальную Академию в сопровождении нескольких кардиналов.

В это время было очень рано, утренний свет был почти теплым, а небо на западе все еще было темным, как ночью. Он как раз собирался отправиться на отремонтированную кухню у озера, чтобы найти Сюаньюань По и взять что-то поесть, когда вдруг обнаружил, что на большом баньяне был кто-то, кого он не ожидал там увидеть. Не в состоянии сдержать свое удивление, он спросил: «Что не так?»

Кроме как в невероятно редких и особых обстоятельствах Танг Тридцать Шесть определенно не просыпался бы так рано, но сейчас он стоял на ветвях большого баньяна, глядя куда-то вдаль. Чэнь Чаншэн не знал, не спал ли тот целую ночь или что-то еще. Танг Тридцать Шесть продолжал смотреть вдаль, не оборачиваясь, чтобы взглянуть на Чэнь Чаншэна. Он спросил с безразличным лицом: «Ты знаешь, что самое болезненное в светском мире?»

Чэнь Чаншэн покачал головой.

Танг Тридцать Шесть ухмыльнулся: «Самое болезненное в нашем мире то, что пока мы все работаем и устаем, как свиньи и собаки, у некоторых людей есть свободное время устраивать свидания, и ты даже потребовал определенного человека хранить тайну, действительно хорошо... тайно встречаться со своей любимой в Мавзолее Книг».

После того, как Ортодоксальная Академия приняла новых студентов, первое испытание, с которым столкнулись эти студенты, - это Великое Испытание. Ради Великого Испытания, которое вот-вот начнется, Танг Тридцать Шесть и Су Моюй были невероятно заняты, и даже Чжэсю иногда давал уроки этим студентам, используя боль и кровь, чтобы рассказать им, что

такое настоящий бой.

Но хоть Чэнь Чаншэн и был Директором Ортодоксальной Академии, он не придавал внимания этому вопросу.

Истинным источником боли Танга Тридцать Шесть, все же, была часть о сохранении тайны.

Чэнь Чаншэн и Сюй Южун узнавали друг друга поближе в Саду Чжоу, их чувства росли, и они часто встречались наедине; во всей столице лишь он знал об этой тайне.

В отношении тайн, как только тайна была раскрыта, те люди, которые знали об этой тайне, смогли бы расслабиться, как и Чэнь Чаншэн и Сюй Южун в последние несколько дней.

Но те, кто знал об этом секрете, но не мог говорить о нем другим, нес бы свою боль и давление, и даже чуть больше.

По столице распространялся слух, и все знали, что Чэнь Чаншэн был безумно влюблен в Сюй Южун, но она отказала. Танг Тридцать Шесть хотел ничего больше, чем размазать эту тайну по лицам людей, хотел ничего больше, чем открыть Ресторан Ясного Озера, а затем стоять на его крыше и рассказывать людям эту историю, объявить о тайне этой парочки целому миру.

Но он не мог действовать подобным образом, так что был в ужасной боли и даже был немного зол.

Чэнь Чаншэн смотрел на него в некотором смятении: «Тогда, ранее, ты был тем, кто сказал, что я должен держаться».

Танг Тридцать Шесть посмотрел на него и сказал: «Но я почти достиг той точки, что уже не могу сдерживаться».

<http://tl.rulate.ru/book/1222/154862>